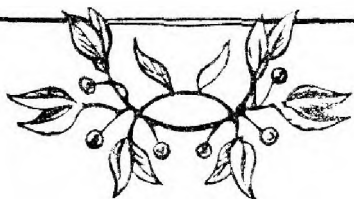

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

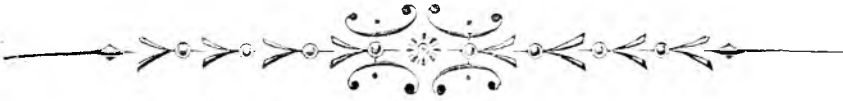
A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized wing or a simple scroll.

A decorative flourish consisting of a central oval shape with two curved lines extending upwards and outwards, resembling a stylized wing or a scroll.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. П. Чехов

ЯЗЫК КАК ОРУДИЕ МЫШЛЕНИЯ

Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть и поводов к обогащению языка.

*Из письма к М. О. Меньшикову 12 октября 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 428—429.**

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ¹

...Голос Абогинна дрожал от волнения; в этой дрожи и в тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах. Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры, и умирающую где-то женщину. Он и сам это чувствовал, а потому, боясь быть непонятым, изо всех сил старался придать своему голосу мягкость и нежность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, как бы она ни была красива и глубока, действует только на равнодушных, но не всегда может удовлетворить тех, кто счастлив, или несчастлив...

1887. Враги. Соч., т. 6, стр. 30—31.

...То и дело попадаются фразы, тяжелые, как булыжник. Напр., на стр. 2 фраза: «он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: «на губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая несколько смущенная улыбка»... «Сижу я верхом на перекладине. Вст что хату с чуланом соединяет»... Какая это перекладина?..

* Высказывания А. П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем (т. 1—20). ГИХЛ, М., 1914—1951.

Последнее сказание: знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек.

*Из письма к П. А. Хлопову 13 февраля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 41—42.*

Радуюсь за Гиляровского. Это человечина хороший и не без таланта, но литературно необразованный.. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веруя, что без этих орнаментов не обойдется дело. Он чувствует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа — это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: нехватаст мужества. Подобен он тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а на славянском, хотя и сознают, что русский ближе и к правде и к сердцу.

*Из письма к А. Н. Плещеву 5—6 июля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 131.*

...Берегись изысканного языка.

Из письма к Ал. Чехову 8 мая 1889 г. Соч., т. 14, стр. 362.

Почитываю Ваши стихи. У Вас хорошая душа и стихом владеете, но язык недостаточно прост: надо воли себе давать больше.

*Из письма к В. А. Долгорукову, первые числа июня 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 109.*

...Вы талантливый человек, но Вы отяжелели, или, выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду сырых литераторов. Язык у Вас изысканный, как у стариков. Для чего это Вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И поверхность снега тоже неловкое выражение, как поверхность муки или поверхность песку. Затем встречаются и такие штучки: «Никифор отделился от столба ворот» или «крикнул он и отделился от стены».

*Из письма к Л. А. Авилевой 15 февраля 1895 г. Соч., т. 16,
стр. 214—215.*

Название рассказа «Против убеждения...» — неудачно. В нем нет простоты. В этих кавычках и трех точках в конце чувствуется изысканная претенциозность <...> Я бы назвал рассказ каким-нибудь одним словом: «Розги», «Поручик».

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г. Соч., т. 16,
стр. 234—235.*

...Вашу повесть я прочел <...> Есть 2—3 словских выражения, которые я подчеркнул <...> «Страсть к графомании» не годится, потому что само слово графомания содержит уже в себе понятие — страсть. И т. д. и т. д.

Из письма к Е. М. Шавровой 17 мая 1895 г. Соч., т. 16, стр. 247.

Младших провизоров нет. Вот должности: провизор, помощник провизора, аптекарский помощник. Все вместе они называются фармацевтами. Доктор бывает хозяином аптеки, но опять очень, очень редко.

Из письма к Е. М. Шавровой,² 19 января 1898 г. Соч., т. 17, стр. 217.

Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п. — такие уподобления делают описания несколько односмысленными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 11—12.*

Еще совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву»; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду.

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 сентября 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 221.*

...Ваш Прокаженный говорит:

Стою изысканно одетый,
Не смея выглянуть в окно.

Непонятно, для чего прокаженному понадобился изысканный костюм, и почему он не смеет выглянуть?

Вообще в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает.

*Из письма к Б. А. Садовскому³ 28 мая 1904 г. Соч., т. 20,
стр. 287—288.*

О КРАТКОСТИ

...Краткость — сестра таланта.

Из письма к Ал. Чехову 11 апреля 1889 г. Соч., т. 14, стр. 342.

...Главное Ваше достоинство в больших вещах — отсутствие претензий и великолепный разговорный язык. Главный недостаток — Вы любите повторяться, и в каждой большой вещи Пантелеи и Катерины так много говорят об одном и том же, что читатель несколько утомляется.

Из письма к Н. А. Лейкину 11 мая 1888 г. Соч., т. 14, стр. 110.

Посылаю и твою рукопись <...> Умудрись прежде всего переменить название рассказа. И сократи, брате, сократи! Начни прямо со второй страницы. Ведь посетитель магазина в рассказе не участвует, зачем же отдавать ему свою страницу? Сократи больше, чем наполовину.

Из письма к Ал. Чехову 30 апреля 1893 г. Соч., т. 16, стр. 62.

Прочел «Без догмата» с большим удовольствием. Вещь умная и интересная, но в ней такое множество рассуждений, афоризмов, ссылок на Гамлета и Эмпедокла, повторений и подчеркиваний, что местами утомляешься, точно читаешь поэму в стихах. Много кокетства и мало простоты.

Из письма к В. М. Лаврову 4 13 ноября 1893 г. Соч., т. 16, стр. 99.

Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности <...> Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в две-три строки. Частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — и расхолаживают, почти утомляют.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 декабря 1898 г. Соч., т. 17, стр. 375—376.

В своих рассказах Вы вполне художник, притом интеллигентный по-настоящему <...> Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г. Соч., т. 18, стр. 11.

О ВУЛЬГАРИЗМАХ

При сем прилагаю стихотворение, которое просил меня послать в «Северный Вестник» автор студент Гурлянд (русский). Как я ни уверял его, что два раза слово «навоз» в первых строках — слишком жирное удобрение для стихов, он не поверил мне.

Из письма к А. Н. Плещееву 6 октября 1889 г. Соч., т. 14, стр. 408—409.

...На кой чорт в этом теплом, ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как «облыжный», «бутербродный» и т. п. К такой нежной и нервной натуре, каковою я привык считать Вас, совсем не идут эти ернические слова. Бросьте вы их к анафеме, будь они трижды прокляты.

*Из письма к И. Л. Леонтьеву-Щеглову 21 октября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 418.*

...Я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибздииков, мелькающих там и сям на страницах «Жизни».

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 сентября 1889 г.
Соч., т. 18, стр. 221.*

ПРОТИВ ЛЖЕНАРОДНОСТИ

Язык должен быть прост и чизячен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича.

Из письма к Ал. Чехову 8 мая 1889 г., Соч., т. 14, стр. 362.

«Мы-ста» и «шашнадцать» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа. Эти «мы-ста» и «шашнадцать» производят на меня всегда впечатление *mouches volantes*,⁵ которые мешают смотреть на ясное небо. Какое-то излишнее и досадное впечатление.

Что еще? Солдат Григорий прощает бабу — это чудесно во всех отношениях и, вероятно, в сценическом тоже. Но зачем он у Вас говорит ерническим языком? Разве это нужно, характерно? Такой великодушный, красивый акт, как прощение, и этот язык в жизни, быть может, и совместимы, но в художественном произведении от такого совместительства пахнет неправдой.

*Из письма к Е. Н. Гославскому 23 марта 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 352.*

О ПРОВИНЦИАЛИЗМАХ, ДИАЛЕКТИЗМАХ

В стихе есть и шероховатости. Например: <...>Течет речка край города и слова «талана», «батька» и проч.

*Из письма к И. А. Белоусову 3 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 352.*

...Всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, ... и проч. — за все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен.

*Из письма к И. Л. Щеглову 22 февраля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 47.*

Провинциализмы, как «подборы», «хата», в небольшом рассказе кажутся шероховатыми...

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.*

«Латанный» — это не русское, а скорее южно-русское слово. Вы были правы, когда забраковали его, и если бы я теперь читал корректуру, то исправил бы так: «заплатанный».

*Из письма к О. Р. Васильевой 20 марта 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 247.*

«Набрать на платье» — это провинциализм, не русское выражение.

*Из письма к М. В. Полиновскому 11 февраля 1900 г.
Соч., т. 20, стр. 322.*

...Мои «Три сестры» идут чуть ли не ежедневно, к великой досаде, с Вершининым, который вместо «хотя» говорит «хоща».

*Из письма к Л. В. Средину 13 октября 1901 г.
Соч., т. 19, стр. 146—147.*

Зачем вы играете пьесу Горького на о? Что вы делаете?! Это такая же подлость, как то, что Дарский говорил с еврейским акцентом в Шейлоке. В «Мещанах» все говорят, как мы с тобой.

*Из письма к О. Л. Книппер 9 февраля 1902 г.
Соч., т. 19, стр. 244.*

...«Повести и рассказы» получил...

Язык местами<...> провинциален: «Офицеры ревновали друг друга», между тем офицеры могут ревновать женщину друг к другу...

*Из письма к Б. А. Лазаревскому 28 июля 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 121—122.*

О КАНЦЕЛЯРИЗМАХ

...Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны — и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплевываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит.

*Из письма к А. С. Суворину 24 августа 1893 г.
Соч., т. 16, стр. 85.*

Я получил из управления пошлое чиновничье письмо: «Впоследствии письма Вашего и т. д.» Выставлен номер. Не вследствие, а впоследствии. Экая духота.

*Из письма к А. С. Суворину 11 ноября 1893 г.
Соч., т. 16, стр. 98.*

И потянулись длинные периоды: «по мере того»... «исходя из того положения» <...> «ввиду только что сказанного»...

1894. Анна на ше. Соч., т. 9, стр. 26.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИНОСТРАННЫХ И РЕДКИХ СЛОВ

...Такой корректной «distinguée» — это пора уже в тираж погашения, как и слово «флирт».

Из письма к Е. М. Шавровой 20 ноября 1896 г.
Соч., т. 16, стр. 396.

В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это не русское слово и в заглавия не годится.

Из письма к Е. М. Шавровой 19 января 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 217.

Я писал Вам <...> о неудобстве иностранных, не коренных русских или редко употребительных слов. У других авторов такие слова, как, например, «фаталистически», проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом. Конечно, тут дело вкуса, и, быть может, во мне говорит лишь излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определенные привычки. Я мирюсь в описаниях с «коллежским ассессором» и с «капитаном второго ранга», но «флирт» и «чемпион» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 11.

ПРОТИВ ШАБЛОННЫХ СЛОВ, ОДНООБРАЗНЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ ОБОРОТОВ

...Очень хороший рассказ. Одна есть в нем фраза, портящая общий тон, это — слова городского: «в соблазн вводишь казенного человека»: чувствуется натяжка и выдуманность.

Из письма к Н. А. Лейкину 23 октября 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 239.

Читал рассказ нового сотрудника Кулакова <...> Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяных словечек — есть некоторого рода цинизм.

Из письма к Н. А. Лейкину 24 декабря 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 252.

Побойся бога, ни в одном из твоих рассказов нет женщины-человека, а все какие-то прыгающие бланманже, говорящие языком избалованных водевильных инженеру.

Из письма к Ал. Чехову между 2 и 5 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 351.

Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине<...> «Афиша на заборе гласила<...> Бледное лицо, обрамленное темными волосами»... Гласила, обрамленное... Это бездарно<...> Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе...

1895. Чайка. Соч., т. 11, стр. 189.

Рутинны приемы в описаниях природы. Рассказ должен начинаться с фразы: «Сомов, видимо, волновался», все же, что раньше говорится о туче, которая улеглась, и о воробьях, о поле, которое тянулось, — все это дань рутине<...>

Рутинность приемов вообще в описаниях: «Этажерка у стены пестрела книгами». Почему не сказать просто: «этажерка с книгами». Томы Пушкина у Вас «разъединяются», издание «д[ешево] библиотеки» «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете внимание читателя и утомляете его, так как заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого «Гамлета» — это раз; во-вторых, все это не просто, мацерно и, как прием, старовато. Теперь уж только одни дамы ищут «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.

Ваши рассказы<...> можно было бы напечатать где угодно, если бы не язык, над которым Вам, очевидно, придется еще много поработать...

«Вывески, красующейся над дверьми». Почему не просто «вывески над дверью?»

Из письма к М. Б. Полиновскому 11 февраля 1900 г.
Соч., т. 20, стр. 322.

О МУЗЫКАЛЬНОСТИ СЛОВА, ФРАЗЫ

В стихе есть шероховатости. Наприм[ер]:

Иль один от скуки ради...

Два предлога: от и ради...

Или: Беседуют два часовых.

Толкуют двое часовых — было бы звучнее и литературнее.

Из письма к Н. А. Белоусову 3 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 352.

Лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой.

Из письма к Я. П. Полонскому 18 января 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 18.

...Вы не работали над фразой; ее надо делать — в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала». Голубушка, ведь такие словечки, как «Безупречная», «На изломе», «В лабиринте» — ведь все это одно оскорбление. Я допускаю еще рядом «казался» и «касался», но «безупречная» — это шероховато, не ловко и годится только для разговорного языка, и шероховатость Вы должны чувствовать, так как Вы музыкальны и чутки, чему свидетели — «Забытые письма».

*Из письма к Л. А. Авиловой 3 ноября 1897 г.
Соч., т. 17, стр. 163.*

...Художественный театр — это хорошее название, так бы и оставить следовало. А Художественно-общедоступный — это нехорошо звучит, как-то трехполенно.

*Из письма к Вл. И. Немировичу-Данченко 6 января 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 17.*

...Стихи Чюминой, быть может, и хороши, но ...«один порыв сплошной»! Разве в стихи годятся такие паршивые слова, как «сплошной»? Надо же ведь и вкус иметь.

*Из письма к О. Л. Книппер 9 февраля 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 40—41.*

О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ

...Я должен мотивировать кое-какие поправки в Ваших рассказах... Например, в Вашем «Кто счастливей» начало совсем плохое... Рассказ драматичен, а Вы начинаете с «застрелиться» в самом юмористическом тоне. Потом, «истерический смех» слишком устарелый эффект... Чем проще движения, тем правдоподобней и искренней, а стало быть, и лучше...

*Из письма к М. В. Киселевой 29 октября 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 240—241.*

...Ваш рассказ кажется мне великолепным. Публика находит его «туманным», но для пишущего, смакующего каждую строку, подобные туманы прозрачнее крещенской воды. При всем моем старании в рассказе я мог уловить только два неважных пятнышка, да и то с натяжкой: 1) характеристики лиц прерывают картину сна и дают впечатление объяснительных надписей, которые в садах прибывают к деревьям учеными садовниками и портят пейзажи, 2) в начале рассказа чувство холода несколько притупляется в читателе и входит в привычку от частого повторения слова «холод».

*Из письма к Д. В. Григоровичу 12 февраля 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 281.*

Я учусь писать «рассуждения» и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь.

*Из письма к А. С. Суворину 28 ноября 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 242.*

Это письмо <...> посылается на почту вместе с рассказом <...> Называется он так: «Скучная история» (из записок старого человека). Самое скучное в нем, как увидите, длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необходимы, как тяжелый лафет для пушки. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его влияние перед самим собой.

*Из письма к А. П. Плещееву 24 сентября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 404—405.*

Попросите Жителя не употреблять в фельетонах слово «аппетит».

*Из письма к А. С. Суворину 28 октября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 421.*

Грузинский совсем уж выписался <...> Ежов тоже выписывается <...> Журю их обоих за мещанистый тон их разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний. Их даже самые лучшие рассказы своим колоритом напоминают мне деревянные лестницы в квартире Пальмина.

*Из письма к Н. А. Лейкину 7 ноября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 432.*

...В небольшом рассказе кажутся шероховатыми не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова, вроде «разнокалиберный».

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.*

Затем, частое употребление слов, совсем неудобных в рассказах Вашего типа. Аккомпанемент, диск, гармония — такие слова мешают.

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 декабря 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 376.*

Вы могли бы написать очерк... «Раненая лось»... Охотники ранят лось, она глядит по-человечьи, никто не решается зарезать ее. Это недурной сюжет, но опасный в том отношении, что трудно уберечься от сентиментальности; надо писать его протокольно, без жалких слов, и начать так: «Такого-то числа охотники ранили

в Дарагановском лесу молодую лось». А если пустите немножко слезы, то отнимете у сюжета его суровость и все то, что в нем достойно внимания.

*Из письма к М. В. Киселевой 3 декабря 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 447.*

...Вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горе-мык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисуется рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете.

*Из письма к Л. А. Авиловой 19 марта 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 345.*

Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление.

*Из письма к Л. А. Авиловой 29 апреля 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 375.*

Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет — писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет. Не следует обсахаривать.

Из письма к Л. А. Авиловой 1 марта 1893 г. Соч., т. 16, стр. 35.

О ЯЗЫКЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИИ

...Каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком.

*Из письма к А. С. Лазареву-Грузинскому 15 ноября 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 391.*

...Вообразите, что Ваша «Татьяна» написана стихами, и тогда Вы увидите, что ее недостатки получают иную физиономию. Если бы она была написана в стихах, то никто бы не заметил, что все действующие лица говорят одним и тем же языком, никто не упрекнул бы Ваших героев в том, что они не говорят, а философствуют и фельдетонизируют — все это в стихотворной классической форме сливается с общим фоном, как дым с воздухом, — и не было бы заметно отсутствие пошлого языка и пошлых, мелких движений, коими должны изобиловать современные драма и комедия и коих в Вашей «Татьяне» нет совсем. Дайте Вашим героям латинские фамилии, оденьте их в тоги, и получится то же самое... Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органические.

Из письма к А. С. Суворину 30 мая 1888 г. ? Соч., т. 14, стр. 119.

Начало пьесы получил. Благодарю Вас. Благосветлов войдет целиком, как он есть. Вы его сделали хорошо: он утомляет и раздражает с первых же слов, а если публика будет слушать его 3—5 минут подряд, то получится именно то впечатление, какое нужно. Зритель будет думать: «Ах да замолчи ты, пожалуйста!» Этот человек, т. е. Благосветлов, должен действовать на зрителей и как умный, подагрический брюзга и как скучная музыкальная пьеса, которую долго играют. Пасколько он удался у Вас, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое действие и пришлю Вам.

В Анучине я оставлю фамилию и «все такое», разговор же его надо подмаслить немножко. Анучин натура рыхлая, масленистая, любящая, и речь его тоже рыхлая, масленистая, а у Вас он слишком отрывист и недостаточно благодушен. Надо, чтобы от этого крестного отца веяло старостью и ленью. Ему лень слушать Благосветлова; вместо того, чтобы спорить, он охотнее подремал бы и послушал рассказов о Питере, о царе, о литературе, о науке или закусил бы в хорошей компании.

*Из письма к А. С. Суворину 18 октября 1888 г.⁸
Соч., т. 14, стр. 195—196.*

В пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным...; нужно вольнодумство... Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок.

*Из письма к Ал. Чехову 11 апреля 1889 г.⁹
Соч., т. 14, стр. 312.*

...Ваша «Симфония» мне очень понравилась<...> Это умная, интеллигентная пьеса, написанная отличным языком<...>

Вы, кажется, говорили, что Вашей пьесы не поймет публика, ибо пьеса рисуется среди специальную. Читая пьесу, я признаюсь, ожидал пересола, но, кроме «симфония», «опера» и «мотивчик» ничего специального не обрел и посему позволю себе не разделять Ваших опасений.

Елена сделана хорошо, хоть и говорит местами мужским языком. Место, где она вспоминает о певице в Монгейме, вышло недостаточно тепло именно благодаря этой манере выражаться по-мужски<...> Если же впрочем певицы вроде Елены, обмущиваются, то я неправ<...> Больше всего мне понравились I, II и V акты, меньше всего III, где у Милочки нет ни одной сочной длинной фразы, а все какие-то всхлипывания...

Воображаю, как хорошо бы сошла Ваша «Симфония» у нас в Малом театре. У нас умеют разговаривать на сцене — это важно.

*Из письма к М. И. Чайковскому 16 февраля 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 17—18.*

Я прочитал Вашу пьесу<...> У вас много и актов, и действующих лиц, и разговоров<...> Любовь у Вас в пьесе недо-

статочно интимна; она болтлива, потому что женщины много говорят и даже резонируют, даже грубят (гадюка, мерзавка светская, «во мне произошла какая-то реакция») и рискуют показаться неприятными тем более еще, что они не молоды... Любовь неинтимна, женщины непоэтичны, у художников нет вдохновения и религиозного настроения, точно все это бухгалтеры, за их спинами не чувствуется ни русская природа, ни русское искусство с Толстым и Васнецовым. И это, главным образом, оттого, что Вы, быть может, умышленно пишете языком, каким вообще пишутся пьесы, языком театральным, в котором нет поэзии. Компактность, выразительность, пластичность фразы, именно то, что составляет Вашу авторскую индивидуальность, у Вас на заднем плане, а на переднем *mise en scène* с ее шумихой, явления и уходы, роли; Вас, очевидно, так увлекает этот передний план, что Вы не замечаете, как у Вас говорят: «и по поводу этого обвиняемого в воровстве мальчика», не замечаете, что Ваш преподаватель и профессор держат себя и выражаются, как идеалисты в пьесах Потапенко, — короче, Вы не замечаете, что Вы несвободны, что Вы не поэт и не художник прежде всего, а профессиональный драматург.

*Из письма к Е. Н. Гославскому 11 марта 1889 г.¹⁰
Соч., т. 18, стр. 147—148.*

Новая пьеса, 1 и 2 акты, мне понравилась <...>

Замечаний у меня немного <...> Варя хороша. В первом явлении в языке излишняя истеричность. Надо, чтобы она не остряла, а то все у Вас острят, играют словами, и это немножко утомляет внимание, рябит; язык Ваших героев похож на белое шелковое платье, на котором все время переливает солнце и на которое больно глядеть. Слова «пошлость» и «пошло» уже устарели <...> Фамилии «Ратищев и Муратов» слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратищеву малороссийскую фамилию — для разнообразия.

*Из письма к А. С. Суворину 23 января 1900 г.
Соч., т. 18, стр. 306—307.*

...Я прочитал Вашу пьесу — и вот Вам мое мнение <...> Зеленцов очень бледен, совсем не написан, а Роман тронут чуть-чуть и не интересен для актера. Володя хорош, только его нужно бы сделать, мне кажется, еще теплей; и нужно, чтобы он в самом деле занимался теперь или когда-нибудь ранее механикой и чтобы выражения «пар пущен», «заработают теперь колеса» и проч. не были пустыми, а вытекали, так сказать, из глубины <...> Теперь перехожу к дамам. Ольга Багрова хороша. Это роль для очень хорошей актрисы. Только сделайте, чтоб она говорила поменьше; она чувствуется с полуслова, с первых строк и была бы просто великолепной, если бы Вы устроили в 3-м или 4-м акте взрыв, если бы ее вдруг на одну минуту взорвало, а затем опять бы тишина. Повторяю, чудесная роль. Наташа говорит очень много, все

в одном тоне, скоро прискучает. Ее следует сделать разнообразнее, богаче. Остальные все уже встречались и раньше, писаны по рутине. Еще что? <...> Все действующие лица говорят одним языком (кроме Ольги), даже «забавно» Романа мало помогает делу. Есть лишние слова, не идущие к пьесе, наприм., «ведь ты знаешь, что курить здесь нельзя». В пьесах надо осторожней с этим *что*. И т. д. и т. д.

*Из письма к А. М. Федорову 3 ноября 1901 г.
Соч., т. 19, стр. 157—153.*

О РАБОТЕ ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Читайте побольше; Вам нужно поработать над своим языком, который грешит у Вас грубоватостью и вычурностью — другими словами, Вам надо воспитать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке и т. п...

*Из письма к Н. М. Ежову 28 января 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 11.*

...Стройте фразу, делайте ее сочной, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5—6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собою разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила; но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными...

*Из письма к А. С. Лазареву-Грузинскому 13 марта 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 33.*

Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал чорта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно.

Из письма к А. С. Суворину 18 мая 1891 г. Соч., т. 15, стр. 205.

Исправить я мог только корректурные ошибки; «уж» заменил словом «уже», «во весь опор» заменил «во весь дух»; мандолину — цитрой <...> Откиньте конец у эпиграфа. Эпиграф придуман очень кстати, но то, что я зачеркнул, излишне удлиняет его.

Из письма к А. С. Суворину 13 декабря 1891 г.¹¹ Соч., т. 15, стр. 238.

Рассказ хорош, даже очень, но будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой<...> Начинать надо прямо со слов: «Он подошел к окну»... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают.

*Из письма к Л. А. Авиловой 21 февраля 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 319—320.*

...Я не хочу признавать рассказов без помарок. Надо люто марапать.

Из письма к Ал. Чехову 30 апреля 1893 г. Соч., т. 16, стр. 62.

Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным.

*Из письма к Л. А. Авиловой 15 февраля 1895 г. 12
Соч., т. 16, стр. 215.*

Мою рукопись благоволите возвратить мне. Придется исправлять во многом, ибо это еще не повесть, а лишь грубо сколоченный сруб, который я буду штукатурить и красить, когда окончу здание.

*Из письма к А. А. Тихонову (Луговому) 16 июня 1896 г.
Соч., т. 16, стр. 334.*

Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны.

*Из письма к В. М. Соболевскому 20 ноября 1897 г.
Соч., т. 17, стр. 174.*

Пожалуйста, пришлите корректуру, так как рассказ еще не кончен, не отделан и будет готов лишь после того, как я перепачкаю вдоль и поперек корректуру. Отделять я могу только в корректуре, в рукописи же я ничего не вижу.

*Из письма к Ф. Д. Батюшкову 3 января 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 207—208.*

Гаев — для Вишневого. Попроси Вишневого, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде, или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневым мы сговоримся, и я впишу все, что нужно.

*Из письма к О. Л. Книппер 14 октября 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 154.*

О ВНИМАНИИ К УСТНОЙ РЕЧИ. ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА

Я хочу учиться у Ленского читать и говорить. Мне кажется, что из меня, если бы я не был косноязычен, выработался бы неплохой адвокат. Умею коротко говорить о длинных предметах.

*Из письма к Е. М. Линтваревой 23 ноября 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 239.*

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т. е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим, или же говорим вяло, беззвучно, тускло «уткнув бороды», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект <...> У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, преподавателей, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слыхать. На кафедрах у нас сидят зайки и шептуны, которых можно слушать и понимать только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул — и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наставлениями и не ищем их, и нас поэтому несколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя

одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, *ханжество* слова, или пошлое красноречие. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания, — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

1893. Хорошая новость. Соч., т. 8, стр. 499—501.

О ЯЗЫКЕ КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ

...Я прочел 2 критики, касающиеся моей «Степи»: фельетон Буренина и письмо П. Н. Островского. Последнее в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплого участия, составляющего сущность его и цель, оно имеет много достоинств, даже чисто внешних: 1) Оно, если смотреть на него, как на критическую статейку, написано с чувством, с толком и с расстановкой, как хороший, дельный рапорт; в нем я не нашел ни одного жалкого слова, чем оно резко отличается от обычных критических фельетонов, всегда поросших предисловиями и жалкими словами, как заброшенный пруд водорослями; 2) Оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочет человек; 3) Оно свободно от мудрствований об атавизме, паки бытии и проч., просто и холодно трактует об элементарных вещах, как хороший учебник, старается быть точным и т. д. и т. д.

Из письма к А. Н. Плещееву 6 марта 1888 г. Соч., т. 14, стр. 51.

Ваша рецензия меня немножко удивила: я и не подозревал, что Вы так хорошо владеете газетным языком. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовал, ибо этот газетный язык мне никогда не давался.

Из письма к В. А. Тихонову 7 марта 1889 г. Соч., т. 14, стр. 326.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Читайте побольше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике. Кстати же запасетесь и знаниями, которые не лишни для писателя.

Из письма к Н. М. Ежову 28 января 1890 г. Соч., т. 15, стр. 11.

Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять.

Из письма к А. С. Суворину 28 февраля 1890 г. Соч., т. 15, стр. 24.

Теперь об «Очерках санитарной статистики». Начну с того, что для популярных статей заглавие это не совсем подходит, ибо содержит два иностранных слова; оно немножко длинно и немножко неблагозвучно, так как содержит много С и много Т. Вы назовите как-нибудь попроще, например: «Заметки врача» или что-нибудь вроде.

Из письма к П. И. Куркину 23 декабря 1899 г. Соч., т. 18, стр. 286.

ОБ УПРОЩЕНИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Володя прав. Умнее писать в слове Владимир *и*, но не *і*. Это совсем лишняя буква. Если б от меня зависело, я упразднил бы и ять, и фиту (дурацкая буква!), и ижицу, и і. Эти буквы мешают только школьному делу, вводят в конфуз деловых людей, которым нет времени учиться грамматическим тонкостям, и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики.

Из письма к М. Г. Чехову 18 января 1887 г. Соч., т. 13, стр. 269.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Не знаю языков. Ах, с каким бы удовольствием я себя выпорол! Без знания языков чувствуешь себя, как без паспорта. Учите Стасика трем языкам — не меньше.

Из письма к А. Н. Ленской 15 ноября 1889 г. Соч., т. 14, стр. 437.

Зачем я не знаю языков? Мне кажется, беллетристику я переводил бы великолепно; когда я читаю чужие переводы, то произвожу в своем мозгу перемены слов и перестановки, и получается у меня нечто легкое, эфирное, подобное кружевам.

Из письма к А. С. Суворину 10 мая 1891 г. Соч., т. 15, стр. 199—200.

А. П. ЧЕХОВ

1. Приводимые здесь высказывания А. П. Чехова дают возможность понять позицию писателя-реалиста, борющегося на два фронта: против натурализма в языке и против изысканности. Они проясняют также требования Чехова-художника к языку художественного произведения, как к элементу формы.

2. Это высказывание А. П. Чехова, на первый взгляд не имеющее прямого отношения к языку, однако, интересно тем, что здесь писатель выступает, как и в других случаях, за четкость терминологии, точность понятий, выраженных в слове.

3. Один из примеров борьбы Чехова-реалиста с декадентами.

4. См. также письма Е. М. Шавровой 17 мая 1895 г. (т. 16, стр. 247), 20 ноября 1896 г. (т. 16, стр. 395).

5. «Мушки» — мелькание в глазах.

6. Речь идет о повести А. С. Суворина «В конце века».

7. См. также письмо А. С. Суворина 23 декабря 1888 г. (т. 14, стр. 257—258).

8. Речь идет о пьесе А. П. Чехова «Леший», над которой персонально Чехов работал с Сувориным.

9. То же см. в письме А. С. Суворину 15 ноября 1888 г. (т. 14, стр. 234).

10. См. также письма А. С. Лазареву-Грузинскому 1 ноября 1889 г. (т. 15, стр. 424—425), А. С. Суворину 7 декабря 1889 г. (т. 14, стр. 448).

11. См. также письмо А. Н. Плещееву 13 ноября 1888 г. (т. 14, стр. 232).

12. См. также письма Ал. Чехову 6 апреля 1886 г. (т. 13, стр. 203), А. С. Суворину 18—23 декабря 1889 г. (т. 14, стр. 454—455), А. Н. Плещееву 23 января 1888 г. (т. 14, стр. 23).